

№ 16 Как рабочим и крестьянам № 16
надо строить свое хозяйство

Кассиор

Наши разногласия

(О роли и задачах профсоюзов)

Св. сп. 26 СССР - 1973, 7. II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

551.88(c)

(29)

Наши разжогласия.

Вопрос о роли профессиональных союзов стоит в порядке дня 10-го партийного Съезда.

Есть товарищи, которые считают, что этот вопрос поднят зря—беспокойными теоретиками. Эти товарищи заблуждаются.

Вопрос о профсоюзах поднят не сверху, а снизу и до и во время 5-й конференции для целого ряда профессиональных работников стало очевидным, что союзы все больше и больше отходят от производства и связь с хозяйственными органами слабеет. Количество конфликтов и трений между профсоюзами и хозяйственными органами после 9-го парт. Съезда, когда казалось, что вопрос наконец-то решен, отнюдь не уменьшилось. Путь от хозяйственного органа до профсоюза не только не стал короче, но длиннее, чем он был до 9-го Съезда. Об этом на 5-й Всероссийской Конференции профсоюзов говорили не только мы, но и наши противники.

«Профессиональные союзы,—говорил тов. Лозовский,—становятся все дальше от хозяйственных органов. Хозяйственные органы становятся все более автономными и самостоятельными и только на верхушках происходит грызня: должен ли быть Петров или Иванов членом в таком то главе. Это не есть участие профессиональных союзов в производстве—это отрыв хозяйственных органов от профсоюзов, оттирание профсоюзов и законсервирование спецами и чиновниками всего хозяйственного аппарата; отдаление всего профессионального движения и его организации на местах от хозяйственного аппарата. Вот что получается в итоге нашей совместной деятельности с ВСНХ» (из речи тов. Лозовского на заседании фракции 5-ой Всеросс. Конференции по отчету о деятельности ВСНХ).

«Как же они (Совнархоз) хотят, чтобы мы участвовали в производстве,—говорил на той же конференции тов. Томский?—Союз, например, выдвигает таких то товарищей, а ВСНХ отвечает: «да что они понимают в производстве, туда нужно дельного инженера посадить». Начинается торговля, которая кончается не в нашу пользу. Я напомню вам резолюцию 9-го Съезда и спрошу: проводилась ли организация так, как было предложено этим съездом?—всякий ответит:—нет. Председатели заводууправлений перебрасывались с завода на завод путем приказа».

Можно, конечно, не называть создавшегося положения кризисом, а какнибудь иначе,—существо дела от этого не изменится. К сожалению, к решению этого в высшей степени важного вопроса применялся целый ряд привходящих политических и иных обстоятельств, которые мешают правильной постановке вопроса, и побуждают многих товарищей относиться к нему или чисто формально и поверхностно, или переносить спор в совершенно другую плоскость, где словесными турнирами можно легко прикрыть существо разногласий. Образчиками такого способа решения вопроса являются все выступления тов. Томского, Зиновьева и группы их единомышленников.

На последнем заседании фракции 8-го Съезда Советов тов. Зиновьев, выступая с докладом о роли и задачах профсоюзов, уклонился от прямых ответов. Он обошел вопрос о роли союзов, о том, почему не выполняются решения партийных и профессиональных Съездов—о переводе работы в область организационно-хозяйственную, и весь спор перенес в сторону «о демократии и школах коммунизма», что в данном случае не является основным вопросом и принципиальным разногласием. Тов. Зиновьев, несколько раз говорившийся, что он никого ни в чем упрекать не собирается, приводил цитаты из речи тов. Гольцмана на 5-й конференции профсоюзов, которые должны были доказать, каких страшных противников демократизма партия имеет в лице сторонников тов. Троцкого.

Подуло демократическим ветром, и тов. Зиновьев спешит использовать новое течение, рассчитывая на то, что спорами о демократии можно побить и замазать все другие споры и этим разрешить вопрос. Ни тов. Томский, неодно-

кратно выступавший с докладами и содокладами на массовых собраниях, ни тов. Зиновьев на фракции 8-го Съезда, — не дали нам характеристики работы и состояния профсоюзов, не осветили специально вопросов их хозяйственной политики. Конечно им приходится выезжать на «демократизме», поскольку по всем другим вопросам им говорить и предлагать нечего. И правы были те делегаты, которые после дискуссии с некоторым сомнением отзывались о «демократической прыти» тов. Зиновьева.

За тов. Зиновьевым по тому же самому методу разрешает вопросы тов. Томский. Вот его аргументы: «Вас (профсоюзы) хотят «срастить» так, как срастили кооперацию с Наркомпродом, т. е. подчинить НКПС и ВСНХ». «Вас хотят перетряхивать, т. е. вместо выборов проводить назначение, все функции союзов хотят передать советским организациям, а вместо убеждения ввести приказы» и т. д. и т. п. Эти аргументы рассчитаны на запугивание, на предвзвешивание о демократии, на цеховщину, ведомственный дух и с правильной постановкой этого вопроса ничего общего не имеют.

Что касается других противников «сращивания» — тов. Лозовского, Лутовинаова и других, то ничего своего, отличного от аргументации Зиновьева — Томского, они не приносят. И если все же Зиновьевский способ решения вопроса находит себе последователей, то лишь до тех пор, пока действительная оболочка словесного демократизма на практике не будет выявлена, а союзы тем временем все больше и больше будут хиреть и отходить от масс, отмирая как производственные организации. Рано или поздно наиболее здоровая часть партии и профработников перестанет увлекаться показным демократизмом. Вот почему мы не намерены плыть по течению и не хотим становиться на весьма скользкий путь «наезднического демократизма», как бы это временно ни расходилось с общими настроением и течением в нашем профессиональном движении. На деле же мы никогда не откажемся проводить действительную демократию и предлагаем нашим противникам обвинять нас в погрешностях против демократии с фактами в руках, а не в теории.

Мы перейдем к деловым аргументам и постараемся вы-

яснить, в чем же действительно у нас разногласия по вопросам о роли профсоюзов? Правда ли, что мы тянем назад, к пересмотру теоретических предпосылок, уже давно принятых партией, или же ставим вопросы исключительно практические?

На этот вопрос брошюра тов. Троцкого «О роли и задачах союзов» говорит следующее: «Задача состоит не в том, чтобы пересмотреть программные предпосылки в вопросе о профсоюзах, а в том, чтобы сделать новый фактический шаг на пути к осуществлению принципов, признанных партией и закрепленных в ее программе».

Следовательно, дело не в теории профдвижения, а в его практике—в том, чтобы сделать новый шаг к осуществлению программы партии.

Какой же это шаг? Шаг в сторону к производству, к связи с хозяйственными органами. Но этот шаг нельзя сделать, предварительно не дав себе ясного отчета в том, почему же после 3-х лет революции ни постановления партии, ни профессиональных съездов, хотя бы частично, хотя бы на половину, не проведены в жизнь? Причину этого нам приходится искать в современном состоянии, положении и психологии нашего профессионального движения, каковые надо уяснить, чтобы устранить с дороги все препятствия к хозяйственному перерождению профсоюзов.

Состояние союзов и характер их работы.

Анализ, правда несколько общего характера, нынешнего состояния союзов дан в брошюре тов. Троцкого (стр. 6). «Несоответствие,—говорится в брошюре,—между теми задачами, которые объективно встают перед нашими профсоюзами на данной стадии развития, и теми навыками мысли, методами и приемами работы, которые господствуют в профсоюзах, как наследие прошлого, несоответствие между союзом, как он есть, и союзом, как он должен быть, выросло сейчас в самое большое противоречие внутри рабочего класса. Не совладав с этим противоречием, мы не сделаем серьезного шага в области хозяйства».

Прав ли тов. Троцкий, что это несоответствие есть, и если прав, то в чем оно выражается? Он прав, во-первых, по-

тому, что на деле профессиональные союзы ушли от хозяйства и не только не подвинулись к осуществлению резолюций профессиональных и партийных съездов, но отдалились от них. Во-вторых, потому, что в нашем профдвижении господствует психология кустарничества, подпольных традиций, старых инстинктивных взглядов на профсоюзы, как на органы, которые призваны специально защищать рабочих. Консерватизм профработников и пренебрежительное отношение их ко всякому новшеству, к деловым и боевым приемам работы—на практике приводят к тому, что союзы не могут по-деловому принимать широкого участия в организации производства, где требуется широкая инициатива, большие административные способности, восприимчивая к новым начинаниям психология, умение ставить вопросы и часто жертвовать интересами для той или иной группы рабочих, строгая дисциплина и ответственность, т. е. требуется как раз то, чего в наших союзах нет и без чего хозяйством они заниматься не смогут. Тов. Троцкий, в третьих, прав потому, что союзы, страдая, заметной лишь на практике, слепой инстинктивной боязнью к органам власти, во все время сознательного периода своего существования сторонились от тех функций, которые выполняются хозяйственными и государственными органами, чтобы сохранить за собою положение свободных организаций, независимых от того или иного органа власти. На практике это приводило к обособленности союзов и к тому, что они не знали работы хозяйственных органов и не могли заниматься производством. А теперь перейдем к фактам.

Расстояние между хозяйственными органами и профсоюзами не только не уменьшается, а все более и более увеличивается. Мы идем не вперед, а назад—союзы идут не к овладению производством, а отходят от него. Хозяйственная работа Ц. К. союзов и ВЦСПС подтверждает это. В 1918—1919 г.г. союзы были ближе к производству, чем в 1920 и 1921 г.г. У нас нет, к сожалению, точных цифр за первый период 1918 и 1919 г.г., но практики профессионального движения, работавшие в то время в союзах, знают, что этот первоначальный период хозяйственного строительства советской республики отличался чрезвычайно широким участием союзов в организации хозяйства. Союзы

строили хозяйственные органы ВСНХ, союзы заполняли их сверху до низу. Между союзами и хозяйственными органами была более тесная связь, конфликты и трения были редки, союзы чаще и больше обсуждали существеннейшие вопросы хозяйственного строительства. В этот период революции— в период пребывания правительства в Смольном—союзы привлекались и за уши тянулись к производству по чисто правовым, моральным соображениям. Заботились не столько о том, может или нет союз выполнить ту или иную организационную задачу, сколько о том, чтобы он обязательно стоял у нее. Период примитивной пролетарской демократии от действительной диктатуры пролетариата тем и отличался, что он интересы формальной диктатуры и права ставил выше интересов практической диктатуры, а мораль выше дела.

Этот период сменился эпохой практического строительства, как на первый план стало выступать дело. Надо было строить и фактически закреплять победу,—а для этого у союзов не нашлось ни технических знаний, ни соответствующего аппарата, ни умения и психологической подготовки, и союзы начинают шаг за шагом отходить от производства. Коллегиальность уступает место единоличию, т. е. более опытному коммунисту перед менее опытным, специалисту и инженеру технику перед необученным представителем союза. В процессе деловой работы союзы все дальше оттесняются от производства и не потому, что их кто-то выжимает, а потому, что они оказались неприспособленными к его овладению.

Данные о деятельности за 1920 и частью 1919 г.г. подтверждают это ¹⁾. Президиум ВЦСПС за 1919 г. на 107 заседаниях обсуждал всего на всего 707 вопросов, из которых лишь 115 имеют отношение к вопросу экономики и организации хозяйства,—это составляет 16,3%. За 1920 г. на 74 заседаниях Президиум ВЦСПС обсуждал 556 вопросов, из которых 111 характера экономического, что составляет 20%.

¹⁾ Все цифровые данные взяты нами из обследования Статистическим Отделом ВЦСПС деятельности Центральные Комитеты союзов и ВЦСПС, на основании протоколов их заседаний. Данные до сих пор за отсутствием места в органах профессиональной печати не могли появиться в свет.

Если к этим цифрам добавить данные о тарифной работе ВЦСПС за 1919 и 1920 г.г. (66 вопросов, что составляет 9,3% к основным вопросам за 1919 г., и 59 вопросов, что составляет 10,6% ко всем вопросам за 1920 г.), то получится, что лишь 25,6% в отношении ко всей деятельности ВЦСПС составляют вопросы тарифной политики и организации производства в 1919 г. и 30,6% в 1920 г. Возьмем относительные цифры по Ц. К. союзов. 19 Центральные Комитеты производственных союзов за 9 месяцев 1920 г. имели 710 заседаний, на которых обсуждали всего 3592 основных вопроса, и из них 1275 вопросов, имеющих отношение к вопросам экономики. В среднем это приходится по 67 вопросов на один Центральный Комитет союза, что составляет 35,5% в отношении к общей деятельности Ц. К. И если к этому добавить вопросы нормирования труда и заработной платы, то на каждый Ц. К. придется в среднем 90 вопросов.

Некоторые еще более характерные данные дают нам сведения о том, как центральные органы союза проводили постановления нашего 9-го партийного съезда. Мы говорим о единоличии, борьбе с прогулами и милитаризации труда. Те же 19 Центральные Комитеты за тот же промежуток времени лишь в 40 случаях обсуждали вопросы трудовой дисциплины и в 22 случаях вопросы об единоличии. Что касается Президиума ВЦСПС, то он этих вопросов почти не обсуждал.

Таковы цифры и факты. Если даже допустить, что по целому ряду технических затруднений и несовершенства самого обследования эти цифры преуменьшены, то во всяком случае они дают картину подлинной работы и хозяйственного состояния союзов в данный момент. Эта картина будет еще плачевней, если мы от количества перейдем к качеству и по существу рассмотрим все эти цифры: под каким углом все вопросы рассматриваются, какой характер, они носят,—проследим, каково их подлинное значение для организации народного хозяйства, и мы убедимся в их почти совершенной бесплодности. Союзы все больше посылают людей в Совнархозы, в хозяйственные органы, а сами хозяйством не занимаются и часто даже слабо хозяйством интересуются, все больше на деле превращаясь в

«агитационные клубы», в организацию взаимопомощи, материальной заботы и т. д. и т. п., а отнюдь не в органы, через которые массы рабочих овладевают производством.

В чем же тут дело? В том ли, что кто-то союзы вытеснил, что они ослабли, так как у них забрали лучших работников, или в чем либо другом? Конечно, война с ее тяжелыми ударами бесспорно отразилась на состоянии союзов и их работе. Но ведь и полтора и два года тому назад была война, а союзы стояли ближе к производству! Верно, — то была другая эпоха и первоначальная стадия войны. Но если даже это и так, то есть ли у нас гарантии, что с прекращением войны и переходом на мирное строительство союзы начнут овладевать производством? Этой-то гарантии как раз и нет!

Союзы и в дальнейшем будут отходить от производства, если на их состояние не будет обращено серьезнейшего внимания, если аппарат и состав руководящих органов союза не будет под определенным углом зрения освежен и изменен. **Надо сделать союзы способными к овладению производством, и в этом все существо спора.**

Примитивные демократы рассуждают наивно. Они говорят: хозяйственные органы стали бюрократическими организациями, поэтому демократические организации профсоюзы, оказались в стороне, оттесненными от производства. Они не хотят думать и искать действительных причин отрыва союзов от производства в самом состоянии и положении союзов; вот почему они занимаются словопрениями и изображают все, как результат чьей-то злой воли и тяжелого рока. А дело в том, что по своему теперешнему состоянию и положению профсоюзы не могут ближе подойти к производству.

Посмотрим на аппарат союзов. Днями тянется обсуждение и решение вопросов, которые нужно и можно было бы решить срочно. Люди, в силу чрезвычайно скверной постановки работы, плохо используются, часто уходят и бегут от нее или привыкают к ней относиться чисто формально. Всякие стремления к тому, чтобы урегулировать работу, уточнить приемы заседаний, согласовать работу отдельных частей аппаратов, развить быстроту и точность, наталкиваются на непреодолимейшие препятствия в виде

непонимания, или игнорирования всяких законов и правил. Здесь сказываются старые подпольные традиции кустарничества, когда мы обходились без аппаратов, канцелярий и т. п. Навык играет гораздо большую роль, чем отсутствие технических средств. К так называемым «военным, боевым, милитарным методам работы», а на обычном языке по-просту к порядку—в союзах относятся, как к чему-то бюрократическому.

Широкие производственные интересы в повседневной работе чужды союзам. Все мало-мальски значительные хозяйственные вопросы проходят мимо них, союзы не вносят ни своего опыта в их решение, ни работы над их проведением в широкую массу рабочих. Происходящие изредка совместные заседания с хозяйственными органами, или отчеты представителей союза на заседаниях—не дают ничего. Союзные органы, оторванные от производства, не в курсе практических задач хозяйства и никаких деловых советов и указаний дать не могут. Поэтому совместные заседания есть лишь пустая трата времени на разговоры. От этого такие заседания становятся все более и более редким явлением.

Тарифная политика союзов до сих пор протекает в значительной степени под знаком охраны интересов рабочих, слабо согласуется с задачами производства, что не трудно доказать анализом тарифов и тех требований, которые предъявляются ежедневно в Тарифный Отдел ВЦСПС.

На протяжении 3-х лет своей деятельности, приняв резолюцию о том, что в процессе постоянной, совместной деловой работы с советскими организациями союзы «превращаются в органы правящего государства и входят в общую систему советских организаций», руководящие органы союзов ни разу не подумали о том, как практически надо проводить это постановление в жизнь. Наоборот, все время, как только встают вопросы о взаимоотношении, говорят о том, кто кому должен подчиняться, о размежевании функций, о компетенции, что по существу приводит к слепому предубеждению к органам власти и государственным функциям.

Союзы ослабели, и ослабели не только тем, что у них брали людей, но и тем, что в течение долгого времени не

было притока свежих, новых сил. Все наиболее живое, молодое, с наибольшей инициативой, волей и характером шло в армию, на войну, в хозяйство, на советскую работу. В союзах оставались работники или давно и тесно связанные с работой союзов—«спецы профдвижения», или люди послабее, поменьше калибром, которым не до хозяйственного размаха и инициативы. Произошел некоторый естественный отбор и далеко не в пользу профсоюзов.

Профработники, не имея широких горизонтов, изо дня в день вращались в сфере одних и тех же задач, в одной и той же среде; от этого замкнутость увеличивалась, корпоративный дух усиливался, мысль костенела. Такое состояние союзов, не являющееся нашей выдумкой, а очевидным фактом для всякого свежего товарища, сталкивающегося с повседневной работой центров профессионального движения—является тяжелой гирей на пути перерождения профессиональных союзов в органы хозяйственные. Конечно, в том, что старое поколение усваивает лишь с трудом и медленно или почти не усваивает необходимости решительного сдвига в сторону хозяйственных задач и тянет за собою подрастающее поколение (и в то же время само часто тянется в хвосте массы),—есть много законного и неизбежного. Но в этом также много опасного, что может привести нас к полному разрыву союзов и хозяйственных органов, масс и советских хозяйственных организаций.

Этой опасности не понимают наши противники и поэтому, вместо действительных вопросов о перевоспитании и приспособлении союзов к производству, поднимают споры о демократии, о чем угодно, но не о существе дела. И прав тов. Троцкий, когда говорит, что несоответствие между методами, навыками, мыслями и задачами, которые стоят перед союзами, является наиболее разящим противоречием сегодняшнего дня.

Мы утверждаем, что союзы в настоящем своем состоянии не смогут заниматься производством и будут отходить от него все дальше и дальше. Необходим ряд мер, которые могли бы обеспечить союзам эту возможность. Вместо этого нам отвечают:—мы, дескать, тоже говорим, что союзы слабы и их надо усилить. Одно ли это и то же? Нет ни одно и то же! Союзы слабы—да, но как и чем слабы? Их надо

усилить—несомненно, но как и под каким углом это усиление производить? Вот в чем спор и первое наше разногласие. И это не пустой спор, а спор о различном понимании того, что есть в союзах и что в них должно быть.

Для нас вопрос о слабости союзов—есть вопрос о их непригодности к хозяйственной роли в данный момент, вопрос об их усилении—есть вопрос о том, чтобы приблизить и приспособить союзы к производству и к выполнению партийной программы. Для наших противников такого вопроса не существует. В спорах они показывают на резолюции, в которых написано, что союзы превращаются в хозяйственные органы; когда резолюции с практикой расходятся,—говорят о слабости союзов, а тот факт, что союзы ушли от производства дальше, чем они были 2½ года тому назад, представляют себе в виде злого бюрократического рока.

Для наших противников вопроса о роли профсоюзов в производстве не существует, они о нем не думают и всякими словесными вывертами стирают и затирают именно этот существеннейший вопрос!

Вместо деловых ответов и решений они поднимают шум: «Вы нападаете на союзы, критикуете союзы, травите их, кавалерийским наскоком разрешаете существеннейшие вопросы рабочего движения!» К этому шуму мы относимся совершенно спокойно. Он рассчитан на то же, что и слова о демократии. Мы не гонимся за словами, мы никого не критикуем, никого не обличаем! Если нам в наших спорах приходится затрагивать некоторые больные места нашего профессионального движения, то мы это делаем отнюдь не чаще, чем наши противники говорят о Цектране, о «военных методах» и т. д. и т. п. Мы считаем, что о больных местах надо говорить, где бы они ни находились.

Огосударствление профсоюзов или сращивание их с хозяйственными органами.

Вторым существеннейшим и спорным вопросом является вопрос об огосударствлении и сращивании профсоюзов с хозяйственными органами.

И здесь спор также не о принципах, а о том, как и когда нам необходимо начать сращивание, и что сейчас по-

нимать под огосударствлением союзов. В своих выступлениях на фракции 8-го Съезда тов. Зиновьев обошел этот вопрос, как он обошел все существеннейшие вопросы о роли союзов. В длинной речи он двумя словами коснулся вопроса о сращивании:—Я против немедленного огосударствления профессиональных союзов, но если речь идет только о сращивании—мы вам дадим три сращивания,—заявил тов. Зиновьев! Что значит это заявление тов. Зиновьева? Сама по себе такая постановка вопроса лишь запутывает дело и показывает, что автор ее или не в курсе дела или решил помолчать.

Эту речь тов. Зиновьев произнес на фракции 8-го Съезда в Большом Театре, за неделю до речи тов. Томского в театре Зимина. Тов. Томский говорил: «Разногласие заключается в том, удобно ли, возможно ли, выгодно ли для партии коммунистов в 1920 и 1921 г.г. приступить к огосударствлению профсоюзов и если выгодно, то какими методами» (из речи тов. Томского в театре Зимина, стенографический отчет, стр. 241). На этот поставленный им самим вопрос тов. Томский так и не дал ответа. Тут уже не три сращивания, а вопрос о том, удобно ли, выгодно ли и возможно ли в 1921 году, после, следовательно, вороха резолюций партийных и профессиональных съездов «об огосударствлении и сращивании», к нему приступить. Одни обещают три сращивания, другие, вопрошают: а удобно ли к нему приступить! И в данном случае тов. Томский гораздо лучше выразил и идеологию и практику большинства профессионалистов, задавая эти вопросы, чем пришедший извне тов. Зиновьев.

По этому вопросу наши противники по меньшей мере безудержно путают, а между тем разногласия здесь те же, что и в первом пункте о слабости союзов и характере их работы. Дело в том, что резолюции профессиональных и партийных съездов по этому вопросу так же не проводятся в жизнь, как и резолюции о перенесении центра деятельности союзов в область организационно-хозяйственную, и не проведены они почти по тем же самым причинам.

Мы уже указывали на то, что в массе своей профессионалисты на практике страдают слепой инстинктивной боязнью к государственным советским организациям и их

функциям. Старый капиталистический предрассудок о государстве сказывается в том, что мы все время думали и думаем, как размежевать союзы с советскими организациями, и ни разу не подумали о том, как объединять работу союзов и деятельность хозяйственных органов. На практике такие методы работы воспитывают и приводят к противопоставлению союзов органам Советской власти. И в этом отношении нужен такой же решительный сдвиг, а не беспомощное топтание на месте. Полная неспособность произвести этот сдвиг при теперешнем состоянии профсоюзов и руководящих органов сказывается, по нашему мнению, хотя бы уже в тех традициях и психологии, с которой они подходят к этому вопросу.

«Не надо форсировать сращивание, надо считаться с уровнем и сознанием масс»,— часто возражают наши противники. Это возражение бьет мимо цели и прикрывает собою принципиальную постановку вопроса тов. Томским: «А выгодно ли, можно ли сейчас приступить к огосударствлению!» Тов. Томский, не дающий никакого ответа на заданный им же вопрос о том, «выгодно ли сращивать», на практике страдающий инстинктивной боязнью к сращиванию, запутавшись в этом вопросе, хочет уйти от самого себя и находит лазейку: **«Не надо форсировать сращивание и надо считаться с уровнем масс».**

В этой то половинчатости причина того, что высказывающиеся в резолюциях за сращивание—на практике этого сращивания не проводят. Мы считаем, что надо устранить условия, при которых союзы могут и противопоставляться органам Советской власти. Параллельное и отдельное существование союзов и хозяйственных органов, существование организации трудящихся масс, отделенной от администрации и производства, есть старый капиталистический предрассудок и наследство, которое мы своим сознательным вмешательством должны изжить возможно скорее. Трещина, которая существует еще между наиболее отсталой массой и Советской организацией и посредине которой в виде буфера стоят профсоюзы, может и должна быть устранена и заполнена отнюдь не тем, что мы будем холить и лелеять этот буфер. Сращивание означает постепенное устранение этого буфера и сближение массы про-

летариата непосредственно с Советской организацией путем заполнения трещины новым производственным содержанием—превращением рабочего потребителя в сознательного производителя и хозяина производства.

«Но,—заявляют нам,—ведь мы уже давно начали сращивание и проводим его. Посмотрите на Военпродбюро (то самое Военпродбюро, которое фактически никогда органом ВЦСПС не было и носило лишь его фирму), на прозодежду, тарифную работу—и вы увидите сращивание на практике».—Да, но все эти факты как раз и говорят против вас, дорогие товарищи! Против вас потому, что все знающие происхождение этого «сращивания» скажут, что нашего сознательного участия в нем ни одну капельку не было. Оно было нам подброшено, навязано, если можно так выразиться, сверху—и мы его приняли как некоторый дар, внезапно нам свалившийся на голову. Такого сращивания мы не хотим! А есть и другие факты, которые указывают, как мы проводили это сращивание в течение трех с лишним лет.

Против организации тарифного отдела ВЦСПС, который находился в Комиссариате Труда, возражали почти полтора года. За его полное упразднение и переход всей тарифной работы в ВЦСПС высказались через два с половиной года после того, как на местах фактически губпрофсоветы эту работу забрали к себе, а в центре нашими же единомышленниками этот отдел был фактически перенесен в ВЦСПС. Против организации экономического отдела (отдела организации производства, который бы усилил работу союзов и связал ее с работой хозяйственных органов) высказывались против нас два года, с тем, чтобы лишь на третий принять, наконец, постановление и только перед пятой конференцией профсоюзов приступить к его проведению в жизнь.

Все это наглядно показывает, что никакого сознательного участия и инициативы в этом сращивании мы не проявляли и в нем неповинны. Но факты жестокая вещь, они бьют нас даже тогда, когда, забыв их родословную, мы в погоне за аргументами ищем хотя бы хлопнушку, чтобы отразить нападки своих противников.

Но эти же факты кое-что говорят в нашу пользу. И проз-

одежда, и Военпродбюро, и тарифные отделы превратились на половину «в органы принуждения», но перестали от этого сколько-нибудь в меньшей степени быть массовыми организациями и—если хотите—школами коммунизма по сравнению с другими союзными органами. И не только не перестали, а наоборот—эту свою роль лишь развернули, сделав ее на практических потребностях более доступной для масс. Следовательно, ваши аргументы, что массы не поймут огосударствления союзов и, повернувшись к ним спиной, создадут нелегально эс-эровские и меньшевистские союзы,—блещут такой же убедительностью, как и вся ваша позиция в этом вопросе.

Если суждено будет появиться меньшевистско-эс-эровским и нелегальным союзам, один из уставов которых имеется, как аргумент против нас, в руках тов. **Зиновьева**, то они с таким же успехом могут появиться и тогда, если все «принципы» товарища Томского и Зиновьева будут свято соблюдены. Чтонибудь из двух: или мы вовлечем массу в организацию производства и привьем ей сознание хозяина-производителя и тогда выйдем из под ног всякую почву для создания меньшевистско-эс-эровских союзов (и это значит, что союзы мы сделаем для производства),—или это сознание и вовлечение останется лишь одним словесным упражнением и благим пожеланием и тогда интересы потребителя и недовольство масс неизбежно будут искать выхода в эс-эровско-меньшевистских союзах, какие бы хитроумные клапаны и отдушины для этого недовольства про запас ни оставляли Зиновьев и Томский.

Думаем ли мы, что это сращивание можно провести механически декретом в один день, как это думает тов. **Шляпников**?

Нет, не думаем и не предлагаем этого,—наоборот! «Вопрос о сращивании союзов—задача целой ближайшей исторической эпохи»,—говорил в одном из своих докладов тов. **Троцкий**, и эту точку зрения мы целиком разделяем. «Но совершенно не допустимо превращать огосударствление союзов в заоблачную конечную цель, остающуюся без всякого влияния на сегодняшнюю практику». (**Троцкий** «О роли и задачах союзов», стр. 24).

И дальше: «огосударствление есть творческий процесс

совершающийся этапами. Нужно внимательно и тщательно определить эти этапы, учитывая общий уровень массы и особенности отдельных отраслей промышленности, но нужно ясно соблюдать направление, чтобы не делать шагов назад, когда обстановка решительно требует шагов вперед». «Нужно, чтобы направление развития профсоюзов было ясно всем их работникам и определяло собою каждый шаг вперед, как бы скромн он ни был» (там же, стр. 24). Нужно следовательно, чтобы лозунг огосударствления союзов стал практическим лозунгом, — «творческим процессом, совершающимся этапами, а не книгой за семью печатями, т. е. надо делать то, чего мы до сих пор не делали и в дальнейшем делать не будем, если не будет произведен некоторый сдвиг в узко-профессионалистской идеологии.

Как и какими методами сращивать? — спрашивает тов. Томский. Если от нас хотят получить программу сращивания, то это пустое и смешное желание. Мы ее не дадим, и никто дать не может. Эта программа будет намечаться ежедневно в процессе практической работы и взаимоотношений союзов с хозяйственными и советскими организациями. Мы даем лишь общие лозунги и указания сращиваний и настаиваем на их повседневном проведении в жизнь. И ждать или отвергать нашу точку зрения только потому, что мы не удовлетворяем «широких запросов наших противников» и не даем вполне конкретную программу сращивания, — было бы так же умно, как не начинать революции из-за того, что отсутствует точная программа дня и часа ее возникновения.

Даем ли мы хоть какие нибудь конкретные указания о том, какой характер огосударствление союзов должно принять на данной стадии в 1921 году? — Да, даем! «Распределение рабочей силы, тарифно-нормировочную работу, охрану труда надо передать профсоюзам. Конфликты между рабочими и хозяйственными органами должны рассматриваться исключительно профсоюзами».

Другими словами: Некоторые функции органов власти, за их полной ответственностью перед Рабоче-Крестьянским государством, передать целиком профсоюзам. Что это даст профсоюзам? Прежде всего теснее их свяжет с производством, подымет их авторитет в глазах рабочих масс, Совет-

ских и партийных организаций. Поскольку союзы будут нести фактическую ответственность за организацию труда, их межеумочное колеблющееся положение будет устранено и сознание ответственности за производимую работу заставит их привести себя в порядок и плотнее подойти к производству.

В процессе живой и практической работы союзы будут превращаться из клубов в хозяйственные и действительно компетентные организации.

Разговоры, жалобы и часто справедливые нарекания, что без нас решили, нас не пригласили, нас обошли, устраняется хотя бы тем, что хозяйственные органы будут кровно заинтересованы в работе союзов и совместном решении вопросов.

Кроме этого мы предлагаем—«сблизить и организационно сочетать работу союзов и хозяйственных аппаратов, выделить общую часть их работы и заставить разрешать ее совместно». (Троцкий, «Роль и задачи союзов», стр. 29).

Конкретны ли эти предложения о сращивании? Несомненно—да! 1-й съезд профсоюзов и программа партии считают, «что центр деятельности союзных организаций должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную». Но с тех пор союзы застыли на месте и не подвинулись ни на шаг к осуществлению этой задачи, и мы считаем, что надо сейчас же деловым образом связать работу союзов с работой хозяйственных органов. Задачи, которые стоят перед хозяйственными органами, будут и должны стоять перед профсоюзами. Этими задачами будет определяться практика и ежедневная работа союзных организаций. Если хозяйственный орган вместе с союзом решает вопрос о борьбе с прогулами, о дисциплинарных судах, о снабжении рабочих и предприятия, вырабатывает производственную программу для отдельного завода или целой отрасли промышленности, то союз приводит весь свой аппарат снизу до верху в движение, чтобы эти намеченные задачи осуществить.

Осуществить не тем конечно, чтобы стать и управлять вместо хозяйственного органа, а тем, чтобы привести в движение массу, сделать ей доступными те или иные хо-

зяйственные задачи, проверить и собрать весь опыт хозяйственной работы, целиком учесть ошибки и вместе с хозяйственным органом устранить их при намечении нового плана и т. д. и т. п. Для этого нужно, чтобы союзы вошли в круг и курс хозяйственных задач и производственной работы.

Как это сделать? Путем некоторого количества общих членов тех и других руководящих органов, более частых совместных заседаний, докладов и отчетов этих органов перед широкой массой и в узких собраниях, всемерным усилением и развитием экономических отделов союзов, которые до сих пор продолжают находиться в полусонном состоянии.

«Но ведь все это старо, в этом нет ничего нового», — в один голос на перебой заявляют наши противники. — Мы не хотим с вами спорить о том, насколько старо это или нет; мы спорим о том, проводилось ли все это в жизнь профсоюзами, были ли они к такому систематическому проведению приспособлены, а если не были, то в чем эта неприспособленность сказывается!

Правда, за последнее время по вопросу о сращивании наблюдается некоторый сдвиг. Публично заговорили о сращивании, об уничтожении Комиссариата Труда, и многие профессионалисты подались влево. Яркие противники уничтожения Комиссариата Труда еще на 3-м съезде профсоюзов, и сейчас еще, хотя и робко, но соглашаются: Что-ж, пожалуй и мы не против, вот только как быть с учетом и распределением рабочей силы? Но это делать, и если поставить ее на деловую почву, то быть может разногласия и будут устранены. Хотя бы в этом заслуга нашей постановки вопроса.

Но еще — то здесь, то там — нам бросают упреки: «вы хотите подчинить союзы хозяйственным органам». Эти обвинения являются плодом чистейшего вымысла и зарождаются в голове профессионалиста, туго набитой сверху до низу схоластическими противоречиями, — кто кого должен подчинить: союзы органы власти, или — наоборот! Для нас такого вопроса не существует и спор о подчинении есть праздный спор. Когда мы говорим о сращивании, мы говорим не о подчинении союзов хозяйственным органам,

а о вовлечении профсоюзов и рабочих масс в дело организации хозяйства, о подчинении всех органов профсоюзов хозяйственным задачам—что, согласитесь, не одно и то же.

Если вы, соглашаясь с нашей постановкой вопроса о сращивании, готовы проводить в жизнь и заявляете лишь, что все это старо, то мы вам можем в вопросе о сроке пойти на уступки, но только предварительно получив ответ на один небольшой вопрос: Скажите, пожалуйста, тов. Томский, Зиновьев и другие, где и когда вы подымали вопрос, что слабость союзов—в оторванности их от производства и в непригодности к овладению производством, и что эту слабость нужно лечить тем, чтобы воспитать новые приемы, методы и навыки в работе, привить новую психологию, устраняющую кустарничество и все прочие прелести, которыми болеет наше профессиональное движение? Если вы этот вопрос подымали, то когда и как вы предлагали его решать?

Получив ответ, мы с удовольствием скажем: воистину зря мы подымали спор и беспокоили людей! Ведь если союзы и не превратились еще в хозяйственные организации, отошли от производства и не начали сращиваться, то они начнут, обязательно начнут, ну хотя бы с 10-го партийного съезда! И порукой тому, что они начнут, служат хотя бы те необычайные заботы, которые обнаруживают не только тов. Зиновьев и Томский, но и все многочисленные еще их единомышленники по вопросу о производственной роли союзов.

О демократии. Центране. Школе коммунизма.

«Но спор,—продолжает тов. Томский,—заключается в том, какими мерами и методами осуществить, укрепить, перестроить и усилить профсоюзы и первым основным вопросом этих методов является вопрос по скромной парламентской терминологии о выборности или отборе, а в переводе по-просту—о выборности или назначенстве. И дальше: «Перестраивать союзы нужно через массы, в массах, с массами. Я утверждаю, что сегодня, 24 декабря 1920 года, партия должна решительно отказаться от назначения сверху вниз в профдвижении и перестраивать союзы

посредством агитации, пропаганды и организационной работы снизу». (Томский, речь о задачах союзов в театре Зимина, стенографический отчет, стр. 26).

Какая глубокомысленная постановка вопроса! Если тов. Томский изображает спор о демократии, как спор о выборах или назначенстве «снизу или сверху», то трудно пожалуй придумать более убогий аргумент в пользу демократии тов. Томского. По нашему мнению, спор о том—«сверху или снизу»—есть талмудистский спор. Мы спросим тов. Томского,—в какой степени ВЦСПС действовал снизу или сверху? Мы помним, что еще недавно—и уже после того, как заговорили о демократии—мы вместе с тов. Томским «выбирали» наши краевые—Южбюро, Кавбюро, уполномоченных в Сибири, на Урале. Мы вместе с тов. Томским голосовали за то, чтобы работу нашего Южбюро, действовавшего далеко не снизу, одобрить и признать правильной. Порывшись в нашей практике, мы найдем целый ряд фактов, когда вместо убеждения с вами же, т. Томский, мы применяли и приказы и принуждения. Если вы считаете, что вся эта работа была ошибкой, хотите всю нашу же с вами практику отменить,—так и скажите! Сделайте тогда конкретные деловые предложения, чем и как ее заменить. Вы этого не делаете. Так в чем же дело?

Сколько бы вы, тов. Томский, ни говорили о демократии, о работе снизу на словах, как только переходите к практике, вы же от такой демократии вынуждены отходить. Ведь только филистеры могут утверждать, что всенародным голосованием, митингом и только снизу мы можем восстановить транспорт, организовать хозяйство, перестроить союзы. Конечно, в профсоюзах сейчас больше, чем где бы то ни было и когда бы то ни было, надо действовать (и мы будем действовать)—с «массами, в массах, через массы», агитацией и убеждением, но думать, что это и есть единственные и всепасающие средства—значит впадать в грубейшую и непростительную ошибку.

И разногласия наши с вами по вопросу о демократии тов. Томский, сводятся лишь к тому, что вы кстати и не кстати склоняете слова о выборах, о «действии снизу», отмахиваетесь от «назначенства», и в этом словесном споре нам за вами решительно не угнаться.

Наши отношения к демократии целиком и полностью формулированы в тезисах тов. Троцкого о роли и задачах союзов. И надо действительно добиться того, чтобы «массы научить с презрением относиться к внешнему, хозяйственно-бессодержательному, показному строительству, к чисто-декоративным формам рабочей демократии без делового, т. е. прежде всего производственного, содержания» (Троцкий, «О ролях и задачах союзов» стр 18). Для нас вопрос о демократии—вопрос конкретный и надо его по деловому ставить и решать. Если бы на практике, тов. Томский, докажете нам, что вот в таком то случае, надо было действовать снизу, а не сверху, «выбирать», а не «назначать», то об этом можно будет говорить и быть может согласиться с вами. И если мы в словах о демократии не поспеваем за нашими противниками, то это потому, что на практике мы хотим и будем вести искреннюю политику: а это значит—не щеголять словами о демократии без толку, не обещать того, чего выполнить не сможешь! Но в то же время мы будем вести беспощадную и решительную борьбу со всякого рода увлечениями и представлением, что можно организовать рабочую массу приказами, с грубым и пренебрежительным отношением к массам, мы будем в своей работе на деле связываться с широкими слоями пролетариата и на опыте учить его с «презрением относиться к отвлеченным, опустошенным, декоративным лозунгам рабочей демократии».

В наших дискуссиях о профсоюзах всегда ссылаются на Цектран. Вот, где, мол, ваш образец того, как вы думаете строить союзы, как хотите их сращивать и что у вас из этого получится! Цектран, как и демократия, во всех дискуссиях не сходят с уст наших противников.

Правда ли, что Цектран образец того, как мы думаем перестраивать союзы? Правда ли, что для перестройки союзов мы предлагаем создать политотделы? Это сумасшедший вымысел и пустяки! Пусть наши противники постараются показать нам, когда именно и где мы это говорили или предлагали. Они этого не докажут, если не выдумают!

В том ли дело, что мы предлагаем считать Цектран идеальным образцом союза, устраивать политотделы, проводить «назначенство», а наши противники этого не пред-

лагают? Вовсе не в этом, а в различном отношении к прошлой и настоящей работе и состоянию Цектрана и политотделов в железнодорожном транспорте. Не будем спорить о том, следовало или нет вводить политотделы в транспорте. Этот вопрос решил 9-й партийный съезд, и никто тогда из большинства профессионалистов не выступал, не протестовал, ничего другого не предлагал. Политотделы были созданы в исключительное время для исключительных мер. Нужны ли были эти исключительные меры или нет? Если нет, тогда нужно было предложить какие-нибудь другие меры,—вы этого не сделали. Если же исключительные меры были нужны, то на каком же основании вы теперь выступаете, подымаете шум против тех, кто эти исключительные меры проводил? Ведь это же по меньшей мере политика страусов.

Мы знаем, что политотделы на жел. дорогах явились результатом полнейшей слабости и неспособности союза транспортных рабочих проводить в транспорте революционный порядок,—те исключительные меры, которые надо было проводить. Можно ли было демократическим путем начать укреплять союзы и ждать, пока развалится транспорт? Вряд ли вы это предложите? Мы видим, что сейчас—пусть очень и очень относительный, но все же порядок на жел. дорогах восстановлен, количество перевозок значительно увеличилось, процент больных вагонов и паровозов упал.

Так в чем же дело? Быть может в том, что пора уже от исключительных мер переходить к нормальным. Это—деловое предложение, и его можно было бы обсудить, согласиться с ним или нет, но вы же его не делаете!

На съезде железнодорожников в августе месяце был создан Цектран. Правда, все демократические вежливости не были соблюдены, кое-какие принципы были ущемлены быть может больше, чем это следовало, но надо было подымать транспорт, а никаких других мер для этого тогда никто из вас не предложил. Теперь же подул демократическим ветром, и вы закричали: не все демократические принципы соблюдены, союза нет, «назначенство» и т. д. и

т. и.—за такой логикой наших противников мы угнаться не можем и возражаем против нее самым решительным образом.

«Нас, Цектран и Троцкого, говорит тов. Лозовский,—разделяет не линия развития союзов, а методы, которые предлагает Цектран,—назначенство. Они не дают возможности рабочим массам овладеть производством». И дальше: «Кто будет иметь мужество нас убеждать в том, что Всесоюз. Союз рабочих Железнодорожного и Водного Транспорта существует? Кроме Ц. К. ничего нет. Союз должен быть организацией, которая связана с рабочей массой, этого в Цектране нет. Возьмем любой район железнодорожников, и я спрашиваю вас здесь на чистоту, есть ли между ними, железнодорожниками и органами Цектрана связь или нет? Я укажу, что есть союзы, которые имеют лучшие аппараты связи—это союзы металлистов и текстильщиков». (Речь тов. Лозовского в театре Зимина, стенограф. отчет, стр. 38).

Тов. Лозовский,—я спрашиваю вас здесь на »чистоту«, знаете ли вы, о чем говорите, есть ли у вас хоть какие нибудь факты, кроме кулуарных? И на чистоту отвечаю:—нет, не знаете и фактов не имеете.

«В союзе железнодорожников «назначенство», и поэтому нет связи,—у металлистов лучше!» А знаете ли вы, тов. Лозовский, что целый ряд работников в районных отделах и отделениях союза металлистов и многие их председатели Центральным Комитетом союза из одного района в другой переброшены и переброшены на определенные должности? Что в том же союзе металлистов имеют место случаи прямого назначения? Если вы этого не знаете, то справьтесь в Ц. К. металлистов—и тогда уже спорьте. Больше ли этих перебросок и назначений чем у Цектрана? Этого я не знаю, да это и не существенно!

«Цектран не имеет связи с районами, Цектран не обращал внимания на организацию рабочих масс,—у текстильщиков лучше!» Берем данные Информационного Отдела ВЦСПС за первое полугодие 1920 года: Связь с губотделами во всех Центральном Комитетах, с уездами—в некоторых! Связь преимущественно письменная и нерегулярная. Полные отчеты поступают от губотделов в 10—15%,

краткие от 25 до 50%. Поездки членов Ц. К. и инструкторов имеют место во всех Ц. К., но постоянное инструктирование только в 5—10-ти Ц. К.». (Отчет инф. отдела о состоянии Ц. К. союзов за 1-ю половину 1920 г.: Остальные отделы, говорится дальше в этом отчете (см. приложение № 1 и 2), за незначительным исключением не проявляют никакой деятельности. К этим отделам относится производственный, который имеется в 4-х Ц. К. (это на первое июня) и который имеет 4-х сотрудников (это заведующие этими отделами), и все остальные отделы, за исключением Тарифного и Организационного.

Итак, тов. Лозовский, во всех Ц. К. связь преимущественно письменная и нерегулярная. Постоянное инструктирование лишь в 5—10 Ц. К. Полные отчеты поступают лишь от 10 до 15% всех губотделов.

Берем более точные цифровые данные обследования организационной частью ВЦСПС Ц. К. Союзов с 3-го съезда до 5-ой конференции профсоюзов. Из отчета видно: Цектран имеет 76 райотделов, из которых постоянная письменная связь с 76-ью отделами, т.-е. со всеми. Приезжали представители с мест из 53 отделов, представителями Цектрана посещено 58 отделов.

Текстильщики имеют 35 отделов, постоянная письменная связь с 30 отделами; посещено представителями Ц. К. текстильщиков—15 отделов, посещений с мест было 35. Как видите, тов. Лозовский, у железнодорожников связь отнюдь не уже, а так же не достаточна, как и у текстильщиков. Эти же данные говорят за то, что большинство союзов в отношении связи стоят ниже, чем Цектран и текстильщики. Откуда же ваши сведения, тов. Лозовский?

«Если,—продолжает тов. Лозовский,—вы возьмете Наркомпуть, то вы скажете, что не Цектран владеет аппаратом Наркомпути, а Наркомпуть владеет аппаратом Цектрана». Ваши факты, тов. Лозовский,—быть может, вы потрудитесь нам их сообщить? А то мы боимся, что здесь дело обстоит так же, как и со связью! Все ваши возражения, тов. Лозовский, являются чисто головным вымыслом на основании слухов, которые носят о Цектрane.

Образец ли Цектран? Далеко нет! Цектран был неправ, когда вместе с тов. Зиновьевым думал, что с помощью политотдела можно перестроить и создать крепкий союз работников транспорта. Теперь вместе с тов. Зиновьевым Цектран это понял. Ну и прекрасно!

У Цектрана была масса уклонов в сторону «назначенства и приказов». Охотно допускаем. Ну а у ВЦСПС не было этих уклонов? У Цектрана слишком много! Но ведь Цектран участвовал в организации транспорта, а ВЦСПС этим делом не занимался. Если эти уклоны были, если они есть, их надо исправить, но следует ли из этого, что любой другой союз надо предпочесть Цектрану? Нет, не следует, ибо если Ц. К. других союзов не обнаруживают тех или иных «Цектрановских уклонов», то они в организации производства почти не участвуют. А нам движение для движения—союзы для союзов, как правильно замечает тов. Лозовский, не нужны.

Делового подхода во всей этой критике и нападках нет. В них как нельзя ярче обнаруживается лишь тот «дух корпоративной замкнутости», неприязни к новым работникам, дух цеховщины, который царит в нашем профессиональном движении. Если в прошлом наша партия применяла те или иные «жесткие методы», значит ли это, что сейчас, при переходе на новые рельсы, мы должны ее осудить за это? Если нет, то также не следует делать этого в отношении органа партий—Цектрана. Если все же Цектран не сходит с уст наших противников, то это лишь только потому, что никаких других аргументов, кроме как аргументов от Цектрана и из области прошлого, у них нет. И если бы не было Цектрана, его надо было бы выдумать нашим противникам для того, чтобы загладить, замазать отсутствие аргументов в спорах с нами.

Конечно, прошлое—вещь необходимая. Но, говорит тов. Томский, «ошибка Троцкого и всех, кто с ним, заключается в том, что они те методы, которые были продиктованы исключительными обстоятельствами, которые наша партия применяла не потому, что они лучше, а потому, что они были продиктованы чрезвычайными обстоятельствами,—эти чрезвычайные методы они берут за идеальные». (Томский, речь в театре Зимина, стенограф. отчет, стр. 26—27).

Итак, ошибка наша в том, что мы «назначенство, нажим, приказ, милитаризацию и т. д. берем за идеал».

Что сказать на это возражение? Идеал ли для нас милитаризация? После постановления партии мы ее проводим, а вы о ней говорите и поэтому видимо считаете, что это наш идеал? Но все же кто и когда вам сообщил, тов. Томский, что милитаризация—идеал? Быть может вы потрудитесь указать нам хоть какие-нибудь факты и источники, из которых вы это глубокое с нами разногласие извлекли? Мы с удовольствием вас послушаем.

С спорами по вопросу о демократии тесно связан вопрос о союзах, как школах коммунизма. Этому была посвящена вся речь тов. Зиновьева на последнем заседании фракции 8-го съезда.

«Профсоюзы,—говорил он,—являются школой коммунизма, а в школе надо учить, а не командовать. Нужна такая организация, которая переварила бы 6½ миллионов беспартийных рабочих и в это мало вдумываются!»

Вот именно мало вдумываются, тов. Зиновьев! Если, например, взять вашу речь и самым прилежнейшим образом ее разобрать, то никак нельзя понять, как это союзы свою миссию «школ коммунизма» будут выполнять? А вот это нам и необходимо знать, чтобы идти вперед, а не топтаться на месте.

В самом деле, являются ли сейчас союзы школами коммунизма для широких масс и в какой степени они являются ими? Рабочие массы относятся к главам и центрам почти так же, как они относились раньше к частновладельческой промышленности. Где же тут школы коммунизма? Достаточно послушать хотя бы тов. Лозовского и прочесть его резолюцию по организационному вопросу на 3-м съезде профсоюзов. Там он говорит: «ослабление союзов выражается в значительном отрыве высших и низших органов союзов друг от друга, несогласованности частей союзного аппарата, в недостаточном влиянии союзов на широкие массы своих членов». Правда, тов. Лозовский выражается довольно скромно, «недостаточное влияние на своих членов», фактическое положение несколько иное, фактически имеется чрезвычайно слабое влияние и против этого

наверно не будет спорить тов. Лозовский! А если так, то где же тут школы коммунизма?

И действительно мы видим, что в повседневную практическую работу в строительстве Советской власти союзы могли и непосредственно сами втянули лишь одиночек, которых отдавали Совнархозу или посылали в армию. В чем тут дело? А дело в том, что союзам до сих пор широкие рабочие массы было учить почти нечему и не на чем. Иногда на митингах, собраниях, делегатских конференциях выступал представитель союза. Но с такой же речью, а иногда и лучше выступал представитель партии, исполкома и т. д. И если рабочие массы получали хотя бы некоторое обще-политическое воспитание, то они его получали где угодно и меньше всего в союзе. Хозяйственного, производственного воспитания—и притом воспитания на практике—союзы массам дать не могли. Они даже не могли приступить к нему, так как сами недостаточно хорошо прониклись этой идеей, а практически стоят в стороне от производства. И масса знала и знает, что союз в его современном состоянии—это разговор и, когда ему приходится сталкиваться с вопросами практическими, он беспомощно разводит руками и не знает, что ему делать. И для того, чтобы превратить союзы в действительные школы коммунизма нужно им дать производственное содержание, практическую работу и возможность ее выполнять.

Тов. Зиновьев приводит цифры и факты: 80.000 рабочих,—говорит он,—мобилизовано профсоюзами в продотряды, втянуто на борьбу с голодом,—это ли не вовлечение масс! Но тов. Зиновьев не знает ни характера, ни значения этих цифр и потому их приводит, и приводит их против себя. Конечно, 80.000 рабочих—это вовлечение масс. Но ведь это вовлечение совершалось почти вне и помимо союзов,—в лучшем случае при слабом участии губпрофсоюзов,—одними фабзавкомами. Мобилизация на работу в 95% случаев проводилась Военпродбюро и его органами на местах, организационно почти не связанными с профсоюзами, а больше с Наркомпродом и его местными органами. Характер и способы вовлечения этих 80.000 как раз говорят против вашей точки зрения, тов. Зиновьев, Как производилась эта мобилизация? Обычно, составлялся

почти без всякого участия союза наряд. Компрд давал задания и Продбюро проводил его через фабзавкомы. Эти мобилизации носили полудобровольный, полупринудительный характер. Они дали результаты, но почему? Потому что Военпродбюро было поставлено в несколько иные условия, чем обычные союзные органы. Оно имело и возможность и власть на живом практическом деле поднять во время голода инициативу масс. Оно это сделало не только агитацией, но практической реальной заинтересованностью — тем, что если в том или ином месте, куда посылался продотряд, будет заготовлено определенное количество хлеба, то рабочие данного города или предприятия получали часть этой заготовки. Так было дело и с маршрутными поездками.

Было ли Военпродбюро агитационно-продовольственным клубом? Далеко нет. Это была организация, выделенная самими рабочими и получавшая в свои руки определенную государственную функцию, возможность и власть для ее выполнения. Военпродбюро вовлекло 80.000 рабочих. А тов. Зиновьев выступает и, во первых, приписывает это точке зрения ВЦСПС, а во вторых (в другом месте), сам заявляет: «государствление союзов поможет правым эсэрам устраивать свои союзы, нам нужна широкая организация беспартийных масс, государственных органов у нас и так много». Это ли точка зрения, это ли знание фактов?

Мы тоже за то, чтобы союзы были широкими массовыми организациями и школами коммунизма. Но при каких условиях, на почве чего, в каких формах, союзы этими школами станут? Дорого стоящие клубы или деловые производственные организации — школы массовой производственной практики, — вот как стоит вопрос, и на него нужно ответить! Мы считаем, что союзы должны стать школой массовой производственной практики, а для того, чтобы это сделать, надо союзы превратить в деловые организации, поставить их вплотную к производству, связать с работой совнархозов, дать им определенные права и функции органов власти, — этого не бояться, — и подойти к массе на почве конкретных практических и доступных задач. Мы за такие школы коммунизма. Других школ коммунизма быть не может, все другое — есть: словесная игра, а не действительный факт.

Чего же мы хотим?

На этот вопрос, который нам часто задают товарищи, мы отвечаем:

1) освежить, увеличить состав руководящих органов союзов, отдавая всяческое преимущество работоспособности, организаторским качествам, хозяйственным и административным способностям работников, а не только их профессиональному стажу. Мы хотим освежить атмосферу в профессиональном движении. Сверху вниз или снизу вверх—спрашивают нас? Действуя отбором сверху, проводя через массы снизу—путем агитации и убеждения, что данный работник является во сто раз полезнее многих других,—оказывать воздействия на массы.

2) Путем делового подбора людей восстановить аппарат союзов, снабдить его всеми необходимыми техническими материальными средствами, но главное—работниками, которые бы к точности, быстроте, порядку, исполнительности в работе не относились формально, на словах, и сами на деле подавали пример работоспособности, исполнительности, умелого руководства аппаратом и сотрудниками в ежедневной работе.

3) Решительно бороться с укоренившимся в профсоюзах предрассудком о том, что будто так называемые «военные, боевые, милитарные методы» работы сводятся к приказу, командованию, грубому и пренебрежительному отношению к сотрудникам и рабочей массе, комиссарству. Подбирать сотрудников таким образом, чтобы они на практике были способны показать разницу и преимущество этих методов перед кустарничеством, безответственностью, недисциплинированностью, хаосом в работе, царящем сейчас в руководящих органах союзов.

4) Связать работу союзов, как организации, с работой хозяйственных органов, таким образом, чтобы дать союзам широкую производственную цель на практике, и шаг за шагом вводить их в круг практической работы хозяйственных органов. На деле добиться того, чтобы задачами и практической работой, которые стоят и выполняются хозяйственными органами, было бы заполнено содер-

жание повседневной работы профсоюзов. Это значит, что вся работа союзов и хозяйственных органов должна быть согласована и подчинена тем задачам, которые стоят в области организации хозяйства, отнюдь не предпреляя вопросов о формальном подчинении.

5) Добиться того, чтобы участие союзов в организации хозяйства, сейчас выражающееся лишь в посылке людей в органы управления и изредка в совместных заседаниях, заменялось планомерной изо дня в день работой союзов над непосредственным проведением в жизнь тех практических задач, которые решаются на совместных заседаниях и диктуются интересами организации народного хозяйства.

6) Одним из средств к достижению связи мы считаем: уточнение, урегулирование и более частые совместные заседания руководящих органов союза как в узких коллегиях для решения совместных вопросов, так и отчеты этих органов перед широкими собраниями рабочих; всемерное укрепление экономических отделов и превращение их в хозяйственные лаборатории, где должен подытоживаться весь хозяйственный опыт союзов и масс и вырабатываться вместе с хозяйственными органами новые методы работы и хозяйственные планы.

Введение общих членов в состав обоих руководящих органов, которые могли бы в процессе деловой практической работы, участвуя в работе обеих организаций, облегчать и усиливать связь профсоюзов с хозяйственными органами. Эти общие члены и должны быть связующим звеном и проводниками хозяйственного опыта и задач в союзах, и наоборот. Эти общие члены от теперешних представителей союзов в хозяйственных органах отличаются тем, что они никоим образом не порывают связи с союзом, входят в его работу и связывают союз и хозяйственный орган не персонально, а как две друг друга дополняющие организации.

7) Всю работу хозяйственных и союзных органов проводить под углом постепенного объединения и сращивания союзных и хозяйственных органов с тем, чтобы эта мысль была доступна каждому члену союза и служила руководящей нитью в практической работе союзов.

8) Некоторые функции государственной власти—вопросы нормирования труда, охраны труда, регулирования труда, учета и распределения рабочих сил—передать, за полной ответственностью перед рабоче-крестьянским государством, целиком в руки профессиональных союзов. Упразднить Комиссариат Труда и его органы на местах, которые не имеют никакого значения, являются лишь штемпелем и тормозят работу, в то же время заслоняя собою перед сознанием рабочих масс профсоюзы.

9) Не жалея никаких средств и сил, поставить и развить массовую производственную пропаганду, которую связать с конкретными задачами сращивания и организацией хозяйства под углом борьбы за перевоспитание массовика-рабочего и превращение его на практике из рабочего потребителя в хозяина, творца и строителя народного хозяйства.

10) Разъяснить и добиться того, чтобы в профсоюзах и массах не увлекались пустыми и декоративными фразами о демократии и в то же время проводили демократию на деле всюду, где обстановка позволяет и где это проведение может вызвать подъем энергии, инициативы и производительности труда в общем трудовом процессе. Основным критерием для проведения рабочей демократии в жизнь должно служить достижение на деле улучшения материального положения рабочих масс, увеличения количества материальных благ и их правильного распределения, а не одно формальное соображение о привлечении к участию в голосовании и обсуждении вопросов широкими пролетарскими массами.

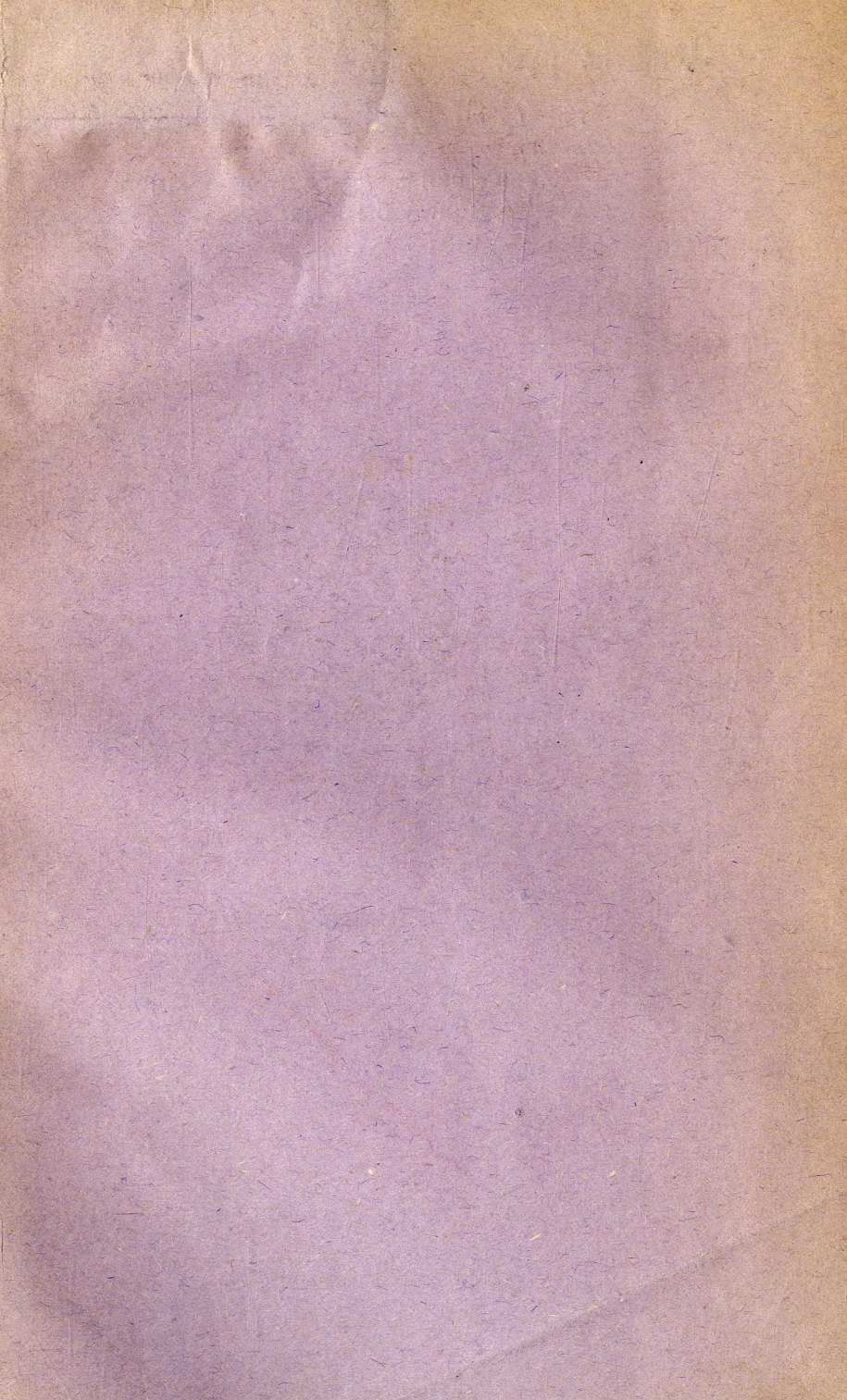
11) Добиться на деле возможно лучшей постановки связи с рабочими массами, верхов с низами с тем, чтобы превратить союзы в действительные массовые пролетарские организации и добиться превращения их из промежуточных клубов в действительно деловые школы коммунизма.

Давая эти формулировки, мы считаем, что их дальнейшая практическая разработка и детализация является уже вопросом практического плана организационной работы и должна совершаться в процессе повседневной деятельности союзных органов. В общем и целом, формулируя нашу

основную задачу и в то же время основное и еще недостаточно выявленное разногласие, мы можем сказать: Мы хотим устранить слабость союзов, их замкнутость, цеховщину, кустарничество, корпоративный дух, царящий в союзах, несоответствие между навыками работы, мыслями и задачами союзов, чтобы приспособить их к выполнению хозяйственных задач—частью тем, чтобы всячески под углом хозяйственным укрепить, освежить как личный руководящий состав союзных органов, так и их аппарат, дав союзам «широкую производственную цель» и в то же время вводя их в круг и курс практической хозяйственной работы сегодняшнего дня. Мы убеждены в том, что оставить такое положение в союзах, каким оно есть сейчас,—значит оставить союзы в стороне от производства и дать им возможность вырождаться, как хозяйственным, а следовательно, и массовым пролетарским организациям.

Надо союзы сделать способными к овладению производством! Эта мысль руководит нами как в критике настоящего положения профсоюзов, так и в выборе практических мер, которые мы предлагаем вниманию партии и которые, смеем думать, не сегодня, так завтра, должны быть приняты, если партия хочет, чтобы союзы жили и развивались, как массовые организации для производства.

Цена ~~12~~ руб.

2957

0.93к.
(1986)

Указанная на книге цена никем
не может быть повышена.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва * 1921.

י 2957 זסן